

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17
УДК 322(045)

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Титов Виктор Валериевич,

канд. полит. наук, старший научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
VVTitov@fa.ru

Аннотация. В статье анализируются основные социокультурные императивы формирования российской национально-государственной идентичности, выявленные в ходе ряда политико-психологических и прикладных политико-социологических исследований 2010–2018 гг. Под национально-государственной идентичностью понимается интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы России, так и широким спектром исторических и культурно-психологических факторов. К наиболее заметным социокультурным императивам российской национально-государственной идентичности относятся безусловная значимость образа пространства как символа «величия» и ресурсного «потенциала» России; персонализация и «полярное» в эмоциональном плане отношение к власти, а также внутренний дисбаланс «образа исторического времени», которое в современной России носит выраженный ретроспективный и мифологизированный характер.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; образ власти; образ пространства; образ будущего; историческая память

RUSSIAN NATIONAL-STATE IDENTITY: SOCIOCULTURAL IMPERATIVES OF TRANSFORMATION

Titov V.V.,

PhD of Political Sciences, Senior Researcher at the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
VVTitov@fa.ru

Abstract. The article analyses the main socio-cultural imperatives of the formation of the Russian national-state identity, which identified during politico-psychological and applied sociological studies of 2010–2018. The national-state identity is an integrated image of “us”, “ours”, which is a complex political, psychological and socio-cultural construct, the dynamics of which is due to both the transformation of the political system of contemporary Russia and a wide set of factors related to national history and culture. The most remarkable socio-cultural imperatives of the Russian national-state identity include the important role of the image of space as a symbol of “greatness” and the resource “potential” of Russia; personalization and the “polar” emotional attitude towards state power, internal imbalance of “image of historical time”, which has retrospective and mythological character in contemporary Russia.

Keywords: the national-state identity; the image of power; the image of space; the image of the future; historical memory

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Проблема формирования национально-государственной идентичности в современной России является широко обсуждаемой как в политическом дискурсе (занимая важное место в повестке дня российского социума), так и в научном политологическом сообществе. Ее социально-политическая значимость и научная актуальность обусловлены рядом факторов.

Во-первых, очевидно, что Россия в конце 2010-х гг. еще в полной мере не преодолела кризис макрополитической идентичности, имевший место на рубеже XX–XXI вв. Общество в целом способно ответить на ключевой вопрос «кто мы?» («граждане России»), но производные смыслообразующие вопросы («откуда мы?», «куда идем?») по-прежнему часто остаются без внятного осмысления и ответа. Во-вторых, 2000–2010-е гг. стали периодом эскалации «войн памяти» на постсоветском пространстве: «борьба за прошлое», попытки пересмотра его ключевых нарративов приобретают все более радикальный, а нередко и откровенно агрессивный антироссийский характер. В-третьих, политические события 2018 — начала 2019 г. четко свидетельствуют о росте протестных настроений и ощущения неопределенности среди российских граждан. Эта тенденция связана, в том числе, с отсутствием внятного образа будущего, перспектив предсказуемого (а не «турбулентного» и кризисного) развития.

Следует отметить, что проблема российской идентичности, макрополитических и социокультурных оснований ее трансформации получила широкое освещение в научной литературе. В частности, можно особо выделить труды И. С. Семененко, М. М. Федоровой, С. Г. Ильинской, Т. В. Евгеньевой и др. [1–4]. Не менее заметным является направление отечественной политической мысли на анализ «политики памяти». В данном ракурсе существенный интерес представляют работы А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, В. В. Бушуева и ряда других авторов [5–7].

Важная теоретическая задача, связанная с осмыслением феномена российской национально-государственной идентичности, состоит в формулировании ее определения. Опира-

ясь на указанные выше исследования, можно охарактеризовать национально-государственную идентичность как кристаллизовавшийся в массовом сознании интегрированный образ «нас», «своих» (включающий ценностно-психологическое, темпоральное, символическое измерения), представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы современной России, так и более широким спектром факторов, связанных с отечественной историей и культурой [8]. При этом отдельный аспект, на который следует обратить внимание, — это генетическая взаимосвязь национально-государственной идентичности не только с институтом государства во всем многообразии его проявлений, но и с политико-культурной традицией государственности, оказывающей серьезное влияние на историческое и ценностно-символическое содержание массового сознания (а следовательно, и на установки макрополитической самоидентификации, доминирующие в обществе).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Анализ социокультурных оснований формирования и трансформации российской национально-государственной идентичности предполагает, прежде всего, обращение к ее основным структурным компонентам — идентификационным образам, установкам и моделям поведения, с ней связанным. В рамках данного анализа представлены наиболее заметные тенденции, связанные с культурно-психологическими основаниями российской идентичности, которые были выявлены в ходе исследований 2010–2018 гг. В частности, мы опираемся на результаты проектов «Политическая полиментальность в современной России» (2012–2013 гг., грант РГНФ № 12–03–00354, руководитель Н. М. Ракитянский) и «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России» (2012–2013 гг., грант РГНФ № 12–03–00307, руководитель Т. В. Евгеньева), в которых автор принимал участие. Помимо этого, акцент был сделан на осмыслении результатов более поздних исследований,

которыми руководил автор статьи — научных проектов «Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ» (грант Президента РФ, 2013–2014 гг.) и «Национально-государственная идентичность в современной России» (2017–2018 гг.).

Первый императив, о котором, как правило, упоминают ученые, связан с системообразующей ролью *образа пространства как безусловной ценности*, концептом «самой большой страны в мире», богатой ресурсами (Д. Н. Замятин, А. С. Ахиезер и др.). Важность и внутреннюю противоречивость образа пространства в «матрице» российской идентичности фиксирует Д. Н. Замятин. По его мнению, «по крайней мере, со второй половины XIX в. (хотя самые ранние социокультурные симптомы могут относиться и к первой половине XIX в.) российская цивилизация все же постепенно стала вырабатывать определенные специфические географические образы, которые, с одной стороны, уже не были простым продолжением и расширением европейского воображения... Ментальная „неоконченность“, незавершенность географических образов была, видимо, в течение всего XX в. „фирменным знаком“ российских пространств, подтверждая тем самым их несомненную „российскость“» [9].

Следует подчеркнуть, что целый ряд исследований, в которых принял участие автор статьи, также показывают двойственное отношение граждан к российским «просторам». С одной стороны, для респондентов среднего и старшего возраста географическая «величина» России есть некая самостоятельная терминальная ценность, независимая переменная, подтверждающая статус «великой страны». С другой стороны, в ряде ответов прослеживается неявная корреляция с идеей «ресурсного проклятия» («у нас много всего: нефть, газ, лес... А использовать все это для людей не умеем»). И в то же время такой взгляд позволяет рассматривать будущее России именно с точки зрения потенциала, тех «возможностей жить богато», которые предоставляет российское пространство.

Второй социокультурный императив, также значимый для понимания российской национально-государственной идентичности, связан со *специфическим содержанием образа политической власти, сформировавшегося в россий-*

ском обществе. Важность данного образа для россиян обусловлена двумя главными аспектами. Во-первых, Россия как «сверхдержава» (коей она является, по мнению большинства респондентов) имеет не только внешнеполитические интересы, но и некую «глобальную миссию». Обобщенная «власть» в этом случае — не просто коллективный актор, защищающий национальные интересы и представляющий Россию на международной арене, но и выразитель социокультурной «российскости» (или «особого пути» нашей страны) в глобальном пространстве. Во-вторых, даже поверхностные исторические знания позволяют многим респондентам ассоциировать «слабость» власти со «смутой» и неизбежным кризисом национально-государственной идентичности. В связи с этим можно также упомянуть многочисленные исследования российских политических психологов, которые убедительно свидетельствуют: в начале XXI в. именно «сила» стала лейтмотивом позитивного отношения к власти, главной ценностью, в той или иной мере востребованной большинством россиян. При этом серия качественных политико-психологических исследований, проведенных под руководством Т. В. Евгеньевой в 2008–2016 гг. (глубинные интервью, проективные тесты), убедительно показывают крайнюю эмоциональную неустойчивость современного российского общества по отношению к действующей власти, усиливающую поляризацию оценок ее деятельности [10].

Третий социокультурный императив формирования современной российской идентичности — *внутренний дисбаланс «образа исторического времени», которое в современной России носит все более выраженный ретроспективный и мифологизированный характер*. Эффект мифологизации во многом связан с особенностями гражданско-политической социализации в постсоветский период, кризисом исторического образования 1990-х — 2000-х гг., «ценностным вакуумом», поразившим российское общество. В результате этого был нанесен серьезный удар по когнитивному фундаменту социальной памяти: молодежь того времени (которая сейчас уже перестала быть «молодежью») оказалась лишена полноценного «образа прошлого».

Крах советской социально-исторической картины мира способствовал тому, что коллективный «образ прошлого» в сознании значительной

части российских граждан либо был деформирован, либо не успел сформироваться: стал аморфным с точки зрения когнитивной составляющей, приобрел фрагментарный и во многом иррациональный характер (доказательство иррационального восприятия прошлого — и по сей день циркулирующие в массмедиа многочисленные вымыслы о советском периоде, претендующие на «историческую правду», популярные «теории заговора», базирующиеся на образе «врага» в лице «коллективного запада» и т.п.).

«Возвращение» государства в сферу исторической памяти, начавшееся в середине 2000-х гг., было ознаменовано попытками систематизировать социальные представления о прошлом, выстроить конвенциональную модель национального образа прошлого, обходя при этом наиболее конфликтные точки российской истории (прежде всего, все, что относится к периоду 1917–1941 гг.). Подобная политика консолидации и минимизации «исторического негатива» проявлялась и в символической сфере (учреждение Дня народного единства, акции «Я помню! Я горжусь!», «Бессмертный полк»), и в области культуры и искусства (например, в кинематографе — целый ряд фильмов о «ранней» истории России). В то же время к концу 2010-х гг. в образе «исторического времени», сложившемся в массовом сознании, стал явно заметен ретроспективный уклон, связанный с фактическим отсутствием внятной проективной составляющей, размытостью образа будущего. Указанная проблема стала настолько очевидной, что слова о необходимости выработки общероссийского образа будущего, способного консолидировать общество в долгосрочной перспективе, в 2017 г. звучали и на уровне политического руководства страны.

Можно констатировать, что реконструкция образа прошлого — крайне важный элемент определения «темпоральных рамок» эволюции российской государственности. Но такая деятельность не снимает, а, наоборот, обостряет социальную потребность в ответе на вопрос «куда идем?», в выработке внятных представлений о коллективном будущем, о векторах и стратегических приоритетах России XXI в.

В заключение представляется возможным сделать некоторые выводы, характеризующие социокультурные особенности формирования национально-государственной идентичности в современной России. Во-первых, российская национально-государственная идентичность может быть определена как кристаллизовавшийся в массовом сознании интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы современной России, так и широким спектром факторов, связанных с отечественной историей и культурой.

Во-вторых, среди наиболее заметных социокультурных императивов трансформации российской национально-государственной идентичности на современном этапе (2010–2018 гг.) можно выделить: 1) безусловную значимость образа пространства как символа «величия» и ресурсного «потенциала» России; 2) ярко выраженное «полярное» в эмоциональном плане отношение к власти (продолжающееся инерционное доминирование стереотипа «добрый царь — злые бояре»); 3) внутренний дисбаланс «образа исторического времени», которое в современной России носит все более выраженный ретроспективный и мифологизированный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. 2016;(4):8–28.
2. Федорова М. М. История/память: трудная дилемма. *История философии*. 2018;23(1):108–121.
3. Ильинская С. Г. Метаморфозы российской идентичности в контексте постсоветского развития. М.: ИФ РАН; 2016.
4. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи. *Полис. Политические исследования* 2010;(4):122–134.
5. Миллер А. И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2014;4(75):49–57.
6. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012;(8):179–204.

7. Бушуев В. В., Титов В. В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ). *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология*. 2011;(4):77–93.
8. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат; 2017. 184 с.
9. Замятин Д. Н. Россия и запад: пространство и образ цивилизационных взаимодействий. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-1-r.pdf>.
10. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*. 2010;(2):90–105.

REFERENCES

1. Semenenko I. S. The policy of identity and identity in politics: ethnonational perspectives, the European context. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016;(4):8–28. (In Russ.).
2. Fedorova M. M. History/memory: a difficult dilemma. *Istoriya filosofii*. 2018;23(1):108–121. (In Russ.).
3. Ilinskaya S. G. Metamorphosis of Russian identity in the context of post-Soviet development. Moscow: Publishing house of the Institute of Philosophy RAS; 2016. (In Russ.).
4. Evgenieva T. V., Titov V. V. Formation of the national-state identity of the Russian youth. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2010;(4):122–134. (In Russ.).
5. Miller A. I. The policy of memory in Russia: A year of shattered hopes. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. 2014;4(75):49–57. (In Russ.).
6. Malinova O. Yu. Political use of the past as an instrument of symbolic politics: the evolution of the discourse of the ruling elite in post-Soviet Russia. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2012;(8):179–204. (In Russ.).
7. Bushuev V. V., Titov V. V. National-state identity in the modern world and the role of historical politics in its formation (theoretical and methodological analysis). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2011;(4):77–93. (In Russ.).
8. Titov V. V. The policy of memory and the formation of national state identity: Russian experience and new trends. Moscow: Vash format; 2017. 184 p. (In Russ.).
9. Zamyatin D. N. Russia and the West: space and image of civilizational interactions. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-1-r.pdf>. (accessed on 2019.01.03). (In Russ.).
10. Malinova O. Yu. Symbolic policy and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2010;(2):90–105. (In Russ.).